

Глава V

Прогностика ближнего прицела: альтернативы будущего для России

1. Футурологические сценарии: рефлексия общественных изменений

После распада СССР, в 1990-е гг., Россия пережила «тихую революцию», помноженную на «холодную» гражданскую войну. Их реальные результаты не менее грандиозны, чем итоги Октябрьской революции начала XX в. Тогда Россия из разваливающейся аграрной империи превратилась, заплатив огромную цену, в сверхдержаву, увлекшую своим примером полмира. Россия шагнула из «периферийной империи»¹ в «советский модерн»². Откат постсоветской России на полупериферию миросистемы вызвал рефлексию по поводу слишком легких и универсальных путей реформ для России, которые вместо «светлого будущего» завели ее в идейно-исторический тупик стагнации. Соответственно, стала ощутимой потребность в проектах, предполагающих если не изменение миросистемы в целом, то хотя бы миросистемную перспективу для национального мышления. Возникли новые сценарии для России, обосновывающие алгоритмы перехода страны на более оптимальные позиции в миросистеме, сценарии, предполагающие в том числе и принципиальное обновление ее самой. Усиление запроса общества на прогнозирование подтверждается растущей популярностью такого жанра, как интеллектуальные сценарии развития России и мира³.

¹ Подробнее см.: *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультра.Культура, 2004.

² Подробнее см.: *Мартьянов В.* Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2007.

³ См.: Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001; Россия: ближайшее десятилетие. М., 2004; Введение в будущее. Мир в 2020 году. М.: Алгоритм, 2006.; Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М.: Культурная революция, 2007;

В настоящее время российские исследователи имеют дело со все большим количеством проектов, планов и стратегий будущего, разрабатываемых Правительством РФ, Общественной палатой РФ, общественными палатами субъектов РФ, научными организациями и экспертно-консультативными советами при органах государственной власти, отдельными учеными. В них зачастую предлагаются принципиально различные концепции и пути развития России в ближайшем будущем. Эти разнообразные проекты позволяют достаточно четко обрисовать те воображаемые, идеальные общества — образы будущей России, которые из своей сферы «должного» диктуют и легитимируют нормы, ценности, императивы непосредственной политической практики «здесь и сейчас». (Кроме того, социальные утопии и футурологические проекты, кристаллизующиеся в современном российском обществе, политике и обществоведении, уже сами по себе многое говорят о нынешнем состоянии российского общества, его целях и ценностях.)

Запрос на интеллектуальные проекты о будущем инициирует и то, что результат постсоветской трансформации в основном негативен: распад страны, дискредитация прежних ценностей и символов, нарастание негативных экономических дисбалансов, потеря международного влияния, откат на позиции глобальной полупериферии. И все же, несмотря на признаки стагнации, сегодня принято считать, что самое страшное позади, а страна, после социального шока рыночных реформ, вошла в 2000-е гг. в период «стабильности» и «развития». Но насколько устойчиво это новое состояние, его социально-политические и экономические институты? Не обернется ли со временем стабильность элементарным застоем, косностью и стагнацией? Тонкой ледяной коркой над морем нерешенных проблем? Одобрены ли обществом новые ценности и правила игры? Достигнут ли консенсус власти и народа по поводу нового общественного договора, который лежит в основе любого жизнеспособного общества? Достижимы ли цели, которые сегодня ставятся перед страной?

Главным вопросом для политических элит давно является не выплата долгов по зарплатам бюджетников, не обременительный внешний долг или борьба с сепаратизмом, но проблема того, что делать дальше для реализации желательного образа будущего. И следует признать, что вынятная и легитимная стратегия на будущее у федеральных элит отсут-

Россия и мир в 2020 году. М.: Европа, 2005; Мировая экономика: прогноз до 2020 года. М.: Магистр, 2007; Коалиции для будущего. Стратегии развития России. М.: РИО, 2007; Мир после кризиса. 2025 год. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа, 2009.; *Валлерстайн И.* Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006. № 1. С. 8–56; *Дерлугьян Г.* Четвертая Российская империя: истоки и перспективы // Отечественные записки. 2007. № 6; и др.

ствуует, за исключением постановки технических задач, вроде подзабытого удвоения ВВП к 2010 г., стремления догнать по среднедушевым доходам Португалию к 2015 г. или цели построить «инновационную экономику» к 2020 г.¹ Поэтому, несмотря на текущие проблемы — стагнацию производства, расслоение населения, превалирование сырьевого сектора, сомнительность модели «суверенной демократии», взрывной рост внешних долгов частного бизнеса и полугосударственных корпораций — интеллектуальным кругам российского общества волеяневолей придется задуматься о стратегических целях дальнейшего развития России: куда идем, для чего живем, на что надеемся?

Поиск стратегий общественного развития не может быть эффективным без сценариев будущего. Наиболее востребованный сегодня вопрос — какой быть России будущего, исходя из возможных угроз, территории, демографических тенденций, климата, экономики и т.д.

Российское общество начала XXI в. обрело контуры сомнительной стабильности, заплатив огромную цену — утратив реальную политику. По сути — это запрет на любые общественные изменения. Подобный выбор властных элит в пользу консервации и «подморозки» не устраивает слишком многих, если не большинство населения, которое в отличие от элит вовсе не живут в лучшем из возможных миров. Это выбор в пользу исторического тупика и будущих общественных катастроф. Все проблемы, вызовы и угрозы для России просто откладываются правящим классом на неопределенное «потом», в пользу сиюминутных выгод. Но рано или поздно, когда эти проблемы заявят о себе во весь голос, люди, «назначенные» элитой, окажутся дискредитированными, а прочее население останется с катастрофическими вызовами один на один.

Еще одним фактором, препятствующим идейному консенсусу в обществе, является радикальная и не сокращаемая со временем неодновременность российского общества, которая продолжает иметь место во всех трех «волнах», или исторических укладах — аграрном, экономическом и «постэкономическом». Следовательно, условием любой приемлемой социально-политической стратегии для России должно быть сокращение неодновременности страны и реальное согласие общества относительно стоящих перед ним целей и исповедуемых ценностей.

С другой стороны, реализацию любых целей, выходящих за текущее потребление, затрудняет то, что в обществе потребления, которым яв-

¹ См.: Выступление В. Путина на заседании Госсовета РФ от 08.02.2008 // <http://www.edinros.ru/news.html?id=127560>; Речь Президента РФ Д. Медведева на V Красноярском экономическом форуме от 15.02.2008 // <http://www.edinros.ru/news.html?id=127810>.

ляется и Россия, «сегодняшнее этическое предписание — наслаждайся! Оно, конечно же, может принимать формы некой спиритуальности, как все эти дела с далай-ламой и прочей ньюэйджевой компанией. “Реализуй свой потенциал” тоже означает “наслаждайся!”. Никто не требует от вас жертвы... И в этом для меня заключается основная проблема с христианским фундаментализмом. Вовсе не в том, что они фундаменталисты, а в том, что в действительности они эгоистичные постмодернистские гедонисты»¹.

Таким образом, оказывается, что управлять людьми через более низкие уровни их потребностей, гасить негативную для элит социальную активность потреблением оказывается гораздо эффективнее, чем поддерживать любую систему идеологического контроля. Поскольку такой стиль жизни не оставляет людям свободного времени, как раз и занятого потреблением, которое, будучи правильно организованным, само в себе на уровне социальной онтологии уже содержит все необходимые ценности, легитимированные процессом потребления товаров и услуг.

В идеократическом обществе эти ценности нужно отдельно доказывать, они напрямую не подкреплены удовольствием от доказательства-потребления, представляя собой лишь идеальные сверхцели — то, чего нет здесь и сейчас, но что только и оправдывает настоящее: «Если при социализме управление свободным временем было демонстративно нацелено на бесполезность, и в этой бесполезности, собственно, и виделся залог свободы, то новый капитализм отнесся к свободному времени граждан с присущим ему расчетом...», создав «индустрию свободного времени»².

Представляется, что в ближайшие годы поиск оснований прочного общественного согласия, призванного компенсировать «моральный коллапс» актуальной политической мысли будет происходить на идейном поле концепций будущего для России. Глобальный неолиберальный консенсус по поводу «конца истории», миросистемы и сложившегося в ней разделения материального и интеллектуального труда вряд ли является удовлетворительным для нынешней России.

При этом не следует забывать, что на стыке XX–XXI вв. вместе с Россией принципиально изменился и окружающий мир, возникли очередные вызовы и угрозы. Появились новые центры экономического притяжения и политической силы в виде Китая, Индии, Бразилии. США как мировой политической и экономической гегемон утратили

¹ Жижек С. Левые должны открыть для себя подлинно героически консервативный подход // http://russ.ru/politics/docs/levye_dolzny_vnov_otkryt_dlya_sebya_podlinno_geroicheskij_konservativnyj_podhod#comments.

² Маяцкий М. Когнитивный капитализм — светлое будущее научного коммунизма? // Логос. 2007. № 4. С. 238.

безусловное лидерство. Конкуренция на экономических рынках приобретает глобальный характер. Растут всеобщие ядерные, террористические и экологические угрозы, увеличиваются демографические и технологические диспропорции Севера и Юга. Усиливается демографическое давление, а количество доступных природных ресурсов, пищи и воды неуклонно сокращается. Наблюдается «неразвитие» третьего мира. Изменившейся России приходится искать эффективные стратегии в не менее изменившемся мире. А неопределенность собственного будущего, откладывание стратегического выбора «на потом» грозит превратиться для России в «вечное настоящее», в запоздалое реагирование на внутренние и внешние вызовы.

Перед лицом глобальных вызовов — экологических, технологических, демографических, конфессиональных, этнических — политические и экономические проблемы различных стран все более приобретают интернациональный характер. Но при общности фундаментальных проблем обществоведы разных стран демонстрируют серьезные нормативные различия в интерпретации образов глобального будущего. В науке, публицистике, литературе и фантастике в последние годы можно наблюдать всплеск массового интереса к жанру прогнозов, конструированию сценариев российского будущего, к описанию новых утопий как в научном, так и в публицистическом, художественном жанрах¹.

В данном контексте исследования будущего часто подменяются паллиативами в виде поисков «национальной идеи» или формирования «общенациональной идеологии» — понятий самопротиворечивых по определению², либо простым социологическим мониторингом ценностей современных россиян, прикладным анализом конкретных программ и выступлений политических лидеров.

Первое представляется больше не актуальным, поскольку в ситуации системного кризиса Модерна как базового политического проекта привычные современные идеологии «в чистом виде» уходят на пери-

¹ См.: De futuro, или История будущего. М.: Политический класс, Аиро XXI, 2008; *Бестужев-Лада И.В.* Россия в XX–XXI веках. 1917–2017. Трижды от колосса к коллапсу и обратно. М.: Международная Академия исследований будущего, 2008; Проект Россия. М.: Эксмо, 2007; Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М.: Эксмо, 2007; Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М.: Эксмо, 2009; *Воины креатива. Главная книга 2008–2012.* М.: Эксмо, 2008; *Воины креатива. Праведный меч.* М.: Эксмо, 2008; *Юрьев М.* Третья империя. Россия, которая должна быть. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2007; *Делягин М.* Реванш России. М.: Яуза, Эксмо, 2008; и др.

² Любая идеология в многосоставном, классовом обществе Модерна может выражать интересы лишь части населения, как и любая партия. Поэтому национальная идеология, будь она реальной или симулируемой, является вольно или невольно претензией положить конец политике, организованной вокруг оптимизации и согласования конфликтных интересов разных политических субъектов.

ферию общественной жизни, возврата к ним в привычном виде быть уже не может, а приставки нео- или пост-, как и сочетания типа «либеральный консерватизм» или «консервативный либерализм» указывают лишь на крах идеологического дискурса в качестве системообразующего. Кроме того, в современной политической науке само понятие идеологии до крайности размыто, часто приписывается домодерновым обществам, что профанирует данное понятие¹.

Второй подход, как правило, дает ситуативный срез общественно-го сознания и циркулирующих в нем ценностей, не претендующий на связь с возможными перспективами российского политического режима и общества в будущем.

Для многих исследователей в качестве путеводной цели в будущее привлекательна парадигма перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Все активнее сторонники глобального транзита человечества к постиндустриальному обществу, «основанному на знаниях» (*knowledge society*). Для него будут характерны высокие технологии с высокой добавленной стоимостью, реализуемые на глобальном рынке; опора на «интеллектуальный капитал»; доминирование постматериальных потребностей людей, связанных с приоритетом самореализации; креативный «труд как творчество» и т.д.²

С другой стороны, все актуальные достижения постиндустриализма относятся, прежде всего, к изменению внешних условий жизни общества. Технологический прогресс действительно увеличивает сумму возможностей, удобств и удовольствий, доступных для каждого члена общества, будь то возрастание доли самозанятости (фрилансерства)

¹ Впервые введенное в оборот Дестотом де Трасси в его работе «Элементы идеологии» (1801) понятие идеологии, призванное характеризовать обобщающую «науку об идеях», в марксизме превратилось в характеристику политического мировоззрения правящих социальных классов современного капиталистического общества. Однако далее целый ряд исследователей стали некритично транслировать данное понятие и на мировоззрение традиционных обществ. См.: *Чичуров И.С.* Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М.: Наука, 1990; *Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья*. Барнаул: АГУ, 1988 и т.п.

² См.: Новая технократическая волна на Западе (сборник переводов). М.: Прогресс, 1986; *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000; *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 1999; *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004; и др. Из российских ученых наиболее фундаментально теория постиндустриального общества разработана в трудах Владислава Иноземцева: *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia-«Наука», 1998; *Иноземцев В.Л.* Пределы «догоняющего» развития. М.: Экономика, 2000; *Иноземцев В.Л.* On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. М.: Алгоритм, 2007; и др.

в экономике неконвейерного труда; качественная медицина; комфортное жилье; невиданная ранее социальная мобильность населения; связь, отменяющая любые расстояния; свободный доступ к бездонным хранилищам информации в Интернете и т.п. Но можно ли данные изменения трактовать как переход к кардинально новому типу общества, если мировоззрение и ценности существующего общества, его цели и структура существенно от всего этого не меняются, да и принципиально новые цели тоже не ставятся?¹

Меняется по большому счету второстепенное: номенклатура существующих специальностей; расширяется классификация видов деятельности; меняется относительное соотношение сферы производства и услуг, специализация тех или иных национальных экономик; виртуализируется финансовый сектор; все больше ценятся уникальные носители интеллектуальной собственности и т.д. Но при этом ни законы капиталистической мирэкономки, ни тип государства, ни людская мораль практически не меняются. И тезис, что сегодняшний день лидеров миросистемы будет завтрашним днем всех остальных, является, по меньшей мере, спорным²

В настоящее время сторонники постиндустриального прорыва предполагают, что Россия может из полуразрушенной индустриальности классического Модерна перепрыгнуть в постиндустриальное будущее. Причем данная теория «большого прыжка» структурно подозрительно напоминает давние тезисы народников о возможности прямого перехода России к социализму из аграрно-традиционного общества, минуя стадию капитализма, поскольку у страны есть социокультурное ноу-хау — крестьянская община, прообраз социалистической бесклассовой коллективности.

Между тем статистика фиксирует, что неявные глобальные «преимущества» у современной России отсутствуют, а ее экономика только начала приближаться к показателям объемов производства ключевых товаров в РСФСР 1990 г.³ Поэтому существует явная вероятность, что в ближайшие годы постиндустриальное общество и пророст «инновационных предприятий» будут лишь имитироваться в СМИ, лозунгах

¹ См. критику прогностических претензий постиндустриальной теории: *Цаплин В.С.* Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // СОЦИС. 2006. № 4. С. 124–130.

² Подробнее см.: *Мартынов В.С.* Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная перспектива? // Логос. 2008. № 1 (64). С. 32–47.

³ См.: *Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А.* Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. М.: Алгоритм, 2003; *Фомин Д., Ханин Г.* Конец воображаемого советского благополучия // Свободная мысль. 2009. № 3. С. 5–20; Материалы официального сайта Федеральной службы государственной статистики России: <http://www.gks.ru/wps/portal>.

и отчетах органов госвласти, а также в интеллектуальном пространстве ведущих мегаполисов, нежели формироваться на самом деле.

Аналогичные обоснованные сомнения возникают и относительно позитивного будущего России при развитии в ней доминирующей ныне модели общества потребления¹. Представляется, что в ближайшем будущем наиболее видным в интеллектуальной повестке дня России будет оставаться дискурс догоняющей модернизации. Трансформация этого дискурса будет связана с необходимостью перехода от стратегий вынужденных, консервативных модернизаций, связанных с внешними вызовами, к стратегии проективных изменений. Только проективная модернизация России может быть действительно эффективной, в противовес «отсрочивающей» новый кризис и разрешающей его последствия модернизации вынужденной.

Ключевая проблема заключается в том, что любой не инерционный сценарий предлагает обществу социально-политический эксперимент — то, чего еще не было. Он всегда запускается через моральное неприятие, попытку преодоления привычного статус-кво. Однако даже глобальный кризис, проявивший статус России как «слабого звена», не прибавил популярности идее преобразования политического пути, весьма слабо коррелирующего с насущными задачами модернизации. Несмотря на негативные общественно-экономические тенденции, социологические замеры в 2008–2009 гг. показывают неизблемость в общественном мнении рейтингов дуумвирата Путина–Медведева, символически олицетворяющих наличный политический курс². Поэтому надеяться на народные манифестации, вызванные неприятием статус-кво из-за реального ухудшения условий жизни значительных слоев населения, было бы наивно. Российское общество лишь сократило объемы своего потребления, обратило фокус негодования на региональные и местные власти, но в целом не собирается менять ценности и символы, лежащие в его основе, считая любые реформы и перемены негативным явлением, которого следует избегать.

Парадоксально, но несмотря на то, что большинство населения, политиков и экспертов не считает российское общество справедливым и не требующим «коррекции», мало кто задается вопросом о том, что в этом обществе необходимо принципиально изменить. Тем не менее после выхода России из периода «исторической реанимации» со всей возможной остротой встал вопрос о ее будущем.

¹ См.: *Мартынов В.С.* Шанс для России: выйти из общества потребления // Прогнозис. 2008. № 2 (14). С. 321–342.

² Сводная статистика оценки российских лидеров и положения дел в стране. Официальный сайт Левада-центра // <http://www.levada.ru/press/2009032501.html>.

Интерес к будущему провоцируется и тем, что в настоящее время в российском обществе наметился явный кризис стратегических целей развития страны, при почти полностью достигнутых элитами тактических задач стабилизации общества. Доминирующие общественные силы, концепции и проекты апеллируют преимущественно к прошлому и настоящему, избегая легитимации будущим. Ориентируясь на консервацию социально-политического статус-кво, на сиюминутные потребности, они практически полностью отрицают социальное экспериментирование. Добровольная «герметизация» идейного поля российской политики не дает видеть дорогу в будущее, лишает людей образов идеального (желаемого) общества, к которому следует стремиться. Между тем российское общество все острее ощущает необходимость формирования позитивных образов будущего для России, новых конкурирующих социальных сценариев. Речь идет об интеллектуальных проектах, предлагающих стране достойное будущее в глобальной мир-системе, исходя из далеко не полностью реализованного потенциала России.

Стабилизация российского общества и общественно-экономических отношений в 2000-е гг. позволяет применить к ним методы средне- и долгосрочного прогнозирования, не срабатывавшие в 1990-е гг., в эпоху «большой трансформации». Эти методы позволяют создавать достаточно устойчивые и релевантные сценарии возможного развития российского общества, исходя из намечающихся в нем в последние годы устойчивых алгоритмов и закономерностей функционирования политики, экономики, социальных связей и консолидирующих общественных ценностей. Все это позволяет формировать стратегии развития с учетом долгосрочных интересов общества и поэтапного исправления негативных тенденций, присутствующих в российском обществе здесь и сейчас. Наиболее интересными в последние годы были два сценарных прогноза, разработанных на базе МГИМО и фонда «ИНДЕМ».

В 2006 г. политологами МГИМО был разработан сценарный прогноз четырех вариантов развития России к 2020 г.: «Кремлевский гамбит», «Российская мозаика», «Крепость-Россия» и «Новая мечта»¹.

«Сценарий 1: “Кремлевский гамбит”

В 2020 г. в мире продолжается экономический рост, сохраняются высокие цены на нефть. Страны “семерки” остаются в числе ведущих экономик мира. Динамично растут Бразилия, Россия, Индия и, особенно, Китай... Глобализация продолжается, но при этом растет много-

¹ См.: Мельвил А.Ю., Тимофеев И.Н. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // ПОЛИС. 2008. № 4. С. 66–85.

образе экономических и политических укладов и систем. Раскол между богатыми и бедными странами увеличивается... В России основа продолжающегося экономического роста — энергетика. В отношениях государства и бизнеса доминирует государство. Оно контролирует энергетический сектор и приоритетные отрасли — ВПК, машиностроение, транспорт... У политической оппозиции нет ни ресурсов, ни общественной поддержки. Общество удовлетворено экономическим подъемом и ростом благосостояния, интерес к политике минимальный. Федеральный центр контролирует ситуацию в регионах... Главный приоритет государства — ускоренная модернизация стратегических отраслей экономики, рост благосостояния и укрепление позиций России в мире. На шахматном языке, это — своего рода «гамбит», то есть ограничение политической и экономической конкуренции в стране ради стратегической цели модернизации России.

Сценарий 2: “Крепость-Россия”

Ситуация в мире в 2020 г. очень нестабильная и напряженная... Идет новая гонка вооружений... Россия фактически оказалась во враждебном окружении. Вдоль ее границ сложилась “дуга” реальных, тлеющих и потенциальных вооруженных конфликтов. США и ЕС решили, что “Россия потеряна”, оставили надежду, что смогут влиять на развитие России в нужном для них направлении, и вернулись к политике “холодной войны” и “сдерживания”... Россия — “в глухой обороне”. Враждебное отношение Запада к России привело к оттоку капиталов, прекращению иностранных инвестиций. Резко возросли расходы на оборону. Приходится “затягивать пояса” — сокращается потребительский сектор, падают доходы, растут налоги. Все это, с учетом нестабильных цен на нефть и активного сопротивления энергетической политике РФ, значительно осложнило решение задач российской модернизации... Страна должна сплотиться, чтобы противостоять внешним угрозам, даже если это ограничивает некоторые индивидуальные права и свободы...

Сценарий 3: “Российская мозаика”

К 2020 г. в мире развивается глобализация “по западной модели”. “Страны-лидеры” (США, члены ЕС, Япония) задают экономические, технологические и социально-политические стандарты, к которым стремятся все другие... Мировая экономика устойчиво растет. Цены на нефть относительно низкие благодаря новым технологиям. Международные институты и организации (от ВТО до НАТО, ПАСЕ и ОБСЕ) определяют “правила игры” в мире... Россия стала открытой страной, в нее идут масштабные зарубежные инвестиции и кредиты, растет благосостояние наиболее активной части населения и регионов, в наибольшей степени включенных в международное разделение труда. Однако идет и вывоз капиталов, утечка мозгов. Происходит децентрализация и суверенизация российских регионов. Одни, преимущественно дотационные регионы,

сохраняют ориентацию на федеральный центр, другие опираются на собственные силы или поддержку партнеров извне... Россия становится все более “мозаичной” и децентрализованной. Это вполне устраивает как внешний мир, так и наиболее активные и успешные регионы, которые могут максимально воспользоваться своими преимуществами.

Сценарий 4: “Новая мечта”

В 2020 г. устойчивый рост мировой экономики обеспечивают прежде всего высокие технологии. Потребность в энергоресурсах высока, но цены на нефть постепенно снижаются... У России открываются возможности сосредоточиться на внутренней модернизации. Снижение цен на нефть заставляет искать интенсивные пути развития, повышать производительность труда, инвестировать в высокие технологии и человеческий капитал... К власти пришла новая политическая коалиция, которая не помнит Советской власти и не участвовала в “дележе” и коррупции 1990-х годов... В государственном управлении наводится порядок, закон стал не “диктатурой”, а правилом жизни, и не все к этому готовы. Приходится платить все налоги... В России впервые за ее историю возник влиятельный средний класс. Но разрыв между богатыми и бедными сохраняется. За медицину, образование, жилье тоже нужно платить самим, хотя есть система социального страхования и доступные кредиты... Новое активное поколение России заинтересовано в открытой политической и экономической конкуренции»¹.

Авторы прогноза исходили из того, что «в основе каждого альтернативного сценария — своя интрига и свое “предельное” сочетание “драйверов”, отражающее возможные ключевые бифуркации в российском и международном развитии»². Они особо отмечают, что «представления о возможных альтернативных траекториях развития страны и мира глубоко встроены в идейно-политическое сознание современной России»³. Вместе с тем «проекция плана нынешней власти в будущее воспринимается участниками фокус-групп в качестве наиболее реалистичного и вероятного сценария»⁴.

Исследователи из фонда «ИНДЕМ» в 2001 г. смоделировали другой «пучок сценариев» для России-2015, фокусируясь, прежде всего, на вариантах возможных конституционно-институциональных изменений политического дизайна России. Они выделяют три базовых сценария возможных изменений и один дополнительный:

¹ Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // ПОЛИС. 2008. № 4. С. 71–74.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 85.

«*Вялая Россия*» (сценарий тихого инерционного угасания): консолидация элит вокруг требований инстинкта коллективного самосохранения, при этом в жертву приносится задача модернизации.

«*Мрачная Россия*» (сценарий установления диктатуры в централизованном государстве): раскол элит и подавление одной элитной группой остальных, использование правовой системы частью элиты в своих интересах.

«*Smart Russia*» (сценарий демократического развития): консенсус элит вокруг правил согласования интересов и урегулирования конфликтов; игра по правилам, устанавливаемым в соответствии с общепринятыми процедурами; адаптивность системы, обусловленная наличием политической конкуренции.

Гипотетически есть и четвертый сценарий — «*Распавшаяся Россия*», который является наиболее маловероятным. Это сценарий распада страны: раскол и ожесточенное противостояние элит по вертикали, отсутствие консолидации по горизонтали, правовой хаос в силу распада единой системы права¹.

В относительно свежем прогнозе эксперты группы «Сигма» предлагают четыре экономикоцентричных варианта развития России². Вариант «*Рантье*» предполагает централизацию перераспределения природной ренты через консолидированный государственный бюджет, растущий в общем объеме ВВП, а также довольно эгалитарную патерналистско-популистскую политику. Сценарий «*Мобилизация*» строится на развитии механизмов целевой перекачки ресурсов от отраслей доноров, которыми станут привычные сырьевые и перерабатывающие отрасли (нефть, газ, металлургия) в прорывные направления (нанотехнологии, энергетика, машиностроение). При этом уровень потребления граждан и внутренний спрос на первом этапе реализации сценария будут ограничены в пользу задач развития передовых кластеров современной экономики. Это может привести к росту гражданского недовольства. «*Инерционный*» сценарий предполагает тактическое маневрирование действующих центров сил перед актуальными угрозами и проблемами в целях сохранения приемлемого для них статус-кво. По сути это сценарий неразвития, накопления конфликтных противоречий и дисбалансов при отсутствии какой-либо целевой стратегии развития. Наконец, стратегия «*Модернизация*», представляющаяся разработчикам оптимальной,

¹ Россия-2015: судьба конституционно-политического устройства // <http://www.anticorr.ru/indem/2015/Cons2015.htm>.

² См.: Коалиции для будущего. Стратегии развития России. М.: РИО, 2007. С. 69–83.

требует «комплексных институциональных преобразований общества, государства и экономики»¹.

В плане глобального измерения ресурсов развития России интересен свежий экспертный доклад Национального совета по разведке США «Глобальные тренды-2025», который предлагает четыре сценария мирового развития: «Мир без Запада» (резкое падение мощи и мирового влияния США), «Октябрьский сюрприз» (климатические изменения и обострение борьбы за ресурсы), «Возвышение БРИК» и «Глобализированная политика» («Politics is Not Always Local») — качественное усиление мировых взаимосвязей и зависимостей, структур и институтов, действующих локально. В докладе предполагается, что население России сократится к 2025 г. с 141 до 131 млн человек, а доля мусульман в ней возрастет с 14% в 2005 г. до 19% в 2025 г. и до 23% в 2050 г. Россия в принципе сможет выиграть от климатических изменений, которые позволят ей разрабатывать труднодоступные месторождения ископаемых на севере и арктическом шельфе. В исследовании отмечается, что зависимость российской экономики от энергоресурсов останется критической, что затрудняет составление консолидированного прогноза относительно перспектив ее развития, во многом определяемого внешними для страны факторами².

На наш взгляд, логика институциональных каркасов, экстраполяция экономических трендов и возможные сценарии взаимодействия наличных политических центров сил, представленные здесь, выглядят слишком инерционными. Будущее обычно реализуется между и помимо предложенных сценариев, поскольку оно слишком иное, чем настоящее. И все же формирование оптимальных сценариев будущего для сложных социальных систем является первым и важнейшим этапом реализации этого будущего. Более справедливое будущее впервые заявляет о себе именно как сценарий позитивных перемен.

Многообразие сценариев будущего в отечественной социально-политической мысли указывают на растущую интеллектуальную и практическую значимость данной проблемы для России, получившей в результате социально-экономической и политической стабилизации последних лет возможность самостоятельно определять контуры собственного будущего.

¹ Коалиции для будущего. Стратегии развития России. С. 77.

² См.: Доклад Национального совета по разведке США «Глобальные тренды-2025» // www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html.